

щем обычную земную жизнь. Животные в сказках — косатки, волки, медведи, лисы — благожелательно расположены к людям и ведут человеческий образ жизни. Может быть именно поэтому в сказках люди вступают в браки с животными, рожают от них детей (например, женщина рождает китенка, моржонка, вступает в связь с птицами). Попутно отметим, что у народов Крайнего Северо-Востока очень много сказок не только о Вороне, но и об Орлах-великанах (легенды о птицах-великанах отмечены также у многих народов Приамурья — орочей, ульчей, ороков, нанайцев).

Большой интерес в фольклоре народов Северо-Востока представляют женские персонажи, выступающие в качестве хозяек «верхнего мира», воинов-богатырей (№ 21, 85, 89, 95 и др.), протестующих против притеснений со стороны мужей или отцов (№ 16), свободно выбирающих себе мужей (№ 17, 39). Они не хотят выходить замуж и становятся «создательницами» оленей, морских зверей, селений. Последний сюжет был известен эскимосам (№ 15), чукчам (№ 56) и корякам (№ 141).

В собранных в книге сказках и мифах отражены обряды-праздники, посвященные китам, обычай добровольной смерти (№ 56, 96); рассказывается об обменном браке (№ 74) и т. п. Сказки народов Северо-Востока проникнуты оптимизмом. В большинстве из них человек выступает как победитель злых сил (великанов, оборотней и т. п.).

Сказки и мифы народов Чукотки могут служить также хорошим источником для изучения этнической психологии малых народов Севера, ибо здесь во многих случаях раскрывается не только духовный мир людей, но и приводится мотивировка многих их поступков (естественно, обусловленная в повседневной жизни обычаями, религиозными верованиями т. п.).

В фольклоре находит отражение также социально-экономическая жизнь. В сказках говорится о старшинах селений, могущество которых, в частности, основывалось на умении владеть байдарой; о сиротах, нуждающихся и гонимых (№ 30, 55 и др.). Особенно четко социальная дифференциация проявлялась у оленеводов. В сказках № 24, 42 и др. отражен натуральный обмен между приморскими жителями и оленеводами. Повествуется и о столкновениях («войнах») между оленеводами — чукчами и коряками — за обладание оленями и другим имуществом (№ 85, 86, 88, 91 и др.). В сказках № 17 и 19 говорится о том, как одна эскимосская община отомстила другой за то, что ее жители убили выращенного ими кита («за своего кита отомстили» — № 19, стр. 107). Члены другой общины в свою очередь «отомстили за своего человека» (там же). Однако в комментарии к сказке (стр. 604) говорится, что здесь отражена борьба за промысловые угодья для морской охоты этих двух общин. Такая трактовка необоснованна: эскимосов было очень мало на огромном побережье, расстояния между небольшими селениями измерялись сотнями километров⁷. Какие же могли быть основания для борьбы за угодья?

В фольклоре народов Крайнего Северо-Востока можно отметить и известные элементы модернизации. Больше всего они проявляются в сказках коряков. Здесь встречаются упоминания об огнестрельном оружии, о злом духе кэле, едущем на коне (стр. 438). На руке у сказочного великана неожиданно появляются часы (стр. 432), другой дух кэле «окаянный... Храпит, все равно как трактор громыкает» (стр. 423). Духи кэле в коряцких сказках моются в бане (стр. 428, 429). Герои сказки сели оленю на спину и «все равно как на велосипеде покатали» (стр. 423).

Разумеется, мы не могли затронуть в кратком отзыве все традиционные сюжеты. Читатели получили прекрасный свод сказок и мифов народов Крайнего Северо-Востока нашей страны. Вышедшая работа привлечет внимание историков, этнографов, историков религии, этнопсихологов, фольклористов и представителей многих других наук, которые по достоинству оценят ее.

Отсутствие в сборнике текстов на языках народов Севера является недостатком издания. Можно пожелать, чтобы в будущем выходили публикации на языках оригиналов с параллельным переводом на русский язык — это, несомненно, обогатит и историю и лингвистику.

А. В. Смоляк

⁷ Не вызвал бы удивления факт борьбы за моржовые лежбища, но в фольклоре нет таких данных. В указанной работе Г. А. Меновщикова «Устное народное творчество...» (стр. 4) говорится, что в этом сказании отражено существование кровной мести. С такой трактовкой можно согласиться.

Н. В. Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, 253 стр.

В советской фольклористике не ослабеваает внимание к народной сказке. Об этом свидетельствуют монографии, посвященные исследованию специфики, происхождения и судеб русской, белорусской и украинской сказки, появившиеся в послевоенные годы (В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, В. П. Аникина, Э. В. Померанцевой, Л. Г. Барага и др.). И все-таки восточнославянская сказка изучена все еще недостаточно. До сих пор

еще не было фундаментального исследования, в котором бы русские, украинские и белорусские сказки анализировались в сравнении.

Монография Н. В. Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки», посвященная сравнительному изучению русских, украинских и белорусских волшебных сказок, анализу системы их образов и выявлению специфических национальных и общих межнациональных черт, восполняет этот пробел и представляет большой научный интерес.

Автор поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу — исследовать огромный по объему материал: проанализировать многие тысячи текстов сказок из нескольких сотен опубликованных и архивных сборников, изучить многочисленные исследования советских и зарубежных ученых, теоретически осмыслить этот материал, обобщить и изложить его в стройной научно обоснованной системе.

С поставленной задачей автор успешно справился.

Монография состоит из предисловия, четырех глав, заключения и обширной библиографии.

Рассматривая различные классификации сказок, предлагавшиеся фольклористами, автор не обходит и вопрос об определении жанра. Особенности сказки как жанра выводятся им из ее отношения к действительности: «Сказка по отношению к действительности изначально остается сказкой, т. е. произведением, объективно основанным на художественной фантастике, независимо от того, верят или не верят рассказчик и его слушатели в реальную возможность всего того, о чем в ней рассказывается» (стр. 14). Н. В. Новиков полностью соглашается с В. Е. Гусевым, который в своей книге «Эстетика фольклора» писал: «Основным жанровым признаком сказки является страдание некоторых существенных коллизий и конфликтов в сфере социальных и семейных отношений, разрешение которых в конкретно-исторической действительности оказывалось невозможным, в силу чего оно и приобрело характер фантастического вымысла»¹. «Специфика этого „фантастического вымысла“, — отмечает далее Н. В. Новиков, — в сказке составляет, на наш взгляд, то, что не вмещается в обыденные рамки реальной действительности — будь то событие или поступок, либо одушевленный и неодушевленный предмет и т. п.» (стр. 15). Однако можно было бы возразить, что «существенные коллизии и конфликты в сфере социальных и семейных отношений, разрешение которых в конкретно-исторической действительности оказывалось невозможным», могли отражаться в столь же фантастической форме и в других жанрах (например, в былинах, песнях-небылицинах). Поэтому вряд ли этот признак можно считать главным, специфически сказочным. Определение сказки как жанра — сложный вопрос, нередко вызывающий дискуссию сказковедов. У фольклористов-сказковедов нет единого мнения по этому вопросу. На наш взгляд, сказку как жанр народной прозы можно выделить только по совокупности нескольких признаков, тем более, что по содержанию и форме сказки неоднородны.

Впрочем, этого не отрицает и Н. В. Новиков. «Для того чтобы точнее определить, к какому жанру относится та или иная сказка, — пишет он, — следует, помимо отмеченного нами основного ее признака, принимать во внимание и другие существенные моменты, которые в том или ином качестве обнажаются в характере ее образов, сюжете и стиле» (стр. 15, 16). Вероятно, точнее было бы говорить не о «других существенных моментах», а о «других признаках»?

Значительное место в предисловии отводится изучению отношения народа к содержанию сказки, к сказочному вымыслу. Исследователь делает правомерный вывод: «Одновременно с ослаблением веры в сказку усиливается ее эстетическое содержание и ее герои все более воспринимаются как художественные образы» (стр. 22).

Указывая на особенности сюжета восточнославянской сказки, автор устанавливает сюжетное разнообразие волшебных сказок. Он отмечает, что в русском сказочном репертуаре насчитывается 144 сюжета, в украинском 187, в белорусском 230. Вместе с тем в книге убедительно показывается, что основной сюжетный костяк волшебной-фантастической сказки в равной степени популярен как у русских, так и у украинцев и белорусов. Автор определяет наиболее известные среди трех братских народов сюжеты и называет сюжеты, которые не являются общими для русских, украинцев и белорусов. Он показывает, что национальная традиция определяет и характер контаминации сюжетов.

В монографии рассматривается система сказочных образов как совокупность персонажей. Центральное место в этой системе, указывается в книге, занимают положительные герои, наделенные идеальными чертами, во втором ряду находятся помощники героя, в третьем — его противники.

Сказочный образ в силу специфики фольклорного обобщения определяется автором как тип, сохраняющий весьма устойчивые, обязательные для него признаки, по которым мы можем безошибочно узнать персонаж, независимо от того, под каким именем он выступает и какие нюансы приобретает в устах отдельных сказочников. В связи с этим автор поставил себе целью раскрыть совокупность таких признаков.

Из нескольких положительных типов восточнославянской сказки автор выделяет тип богатыря (в белорусской сказке — «асилка») и тип «иронического удачника». Вы-

¹ В. Е. Гусев, Эстетика фольклора, Л., 1967, стр. 124, 125.

деление их оправдано тем, что эти типы получили наибольшее развитие в восточнославянской сказочной традиции. В монографии подробно характеризуются сказочные герои-богатыри: Покаянгородок, Медвежье Ушко, Иван Зорькин, Иван Сучин, Иван-царевич, а также женщины-богатыриши.

Анализируя все известные сказки, в которых встречаются образы богатырей, автор предпринимает попытку определить степень древности некоторых сюжетов. Сказку о Медвежьем Ушке, например, он относит к той древнейшей эпохе, когда еще существовала вера в происхождение человека от животного, в данном случае — от медведя. Проникновение сатирических и юмористических элементов в сказку справедливо связывается с более поздним временем. Свидетельство правдивости такого вывода — отражение в этих сказках социальных отношений. В сказке о Медвежьем Ушке проявились, например, антицерковные настроения народных масс.

Полемизируя с некоторыми исследователями (А. П. Беликом, К. С. Давлетовым и др.), автор подтверждает свою точку зрения многочисленными убедительными примерами. Так, например, он правильно возражает А. П. Белику, который относит образ Ивана-царевича к отрицательным персонажам. Вместе с тем автор не соглашается и с теми исследователями, которые считают образ Ивана-царевича идеальным. Анализируя конкретный материал, Н. В. Новиков характеризует образ Ивана-царевича диалектически: он идеален в тех сказках, где показывается единственным или самым младшим из трех родных сыновей. В тех же произведениях, где рядом с ним действуют представители низших слоев, идеализируются всегда эти последние, а Иван-царевич наделяется недостатками или высмеивается (например, в сказках на сюжеты «Верный слуга» — Андреев, 516 и «Слепой и безногий» — Андреев, 519). Слабосильный, трусливый и легковверный царевич противопоставляется в них сильному, храброму и умному слуге.

Процесс демократизации сказки автор видит и в замене героя царского происхождения героем из более низких социальных слоев — из купцов, крестьян, солдат. В качестве примера называется белорусская сказка «Асылак» (в книге называется неточно — «Асылак»). Эта сказка выделяется в ряду волшебных высокой идейностью содержания, страстным призывом к борьбе против помещиков. Вот к чему призывает асылак:

«Браткі, калі б паноў чорт узяў, то б свет бады не маў, а без гарапашнікаў мужыкоў не было б ні хлеба, ні асымакоў. А каб гэтае ліхо зламаць, трэ' усім, як адзін чалавек, стаць; не грызціся паміж сабою за ад варагоў бараніцца гурбоў»².

Подобный призыв к коллективной борьбе с классовым врагом трудно отыскать в какой-нибудь другой волшебной сказке. Следовательно бы отметить это и в книге.

На основе анализа сказок о женщинах-богатыришах делается вывод о том, что женские положительные образы в волшебных сказках показываются «в едином героико-романтическом плане, без привнесения каких-либо унизительно-дискриминационных элементов, связанных со средневековой феодальной идеологией» (стр. 70).

Подытоживая анализ сказок о богатырях, автор выделяет главные отличительные черты героев — их силу, гуманный характер деятельности, патриотическую настроенность, трудолюбие.

С интересом читаются страницы, посвященные анализу образов «иронических удачников» — Незнайки, Иванушки-дурачка, Емели-дурака, — дающиеся во второй главе монографии. Наблюдения над многочисленными сказками о Незнайке позволили автору показать, что Незнайка симпатизирует простым людям, например солдатам. Вместе с тем для сказки о Незнайке характерна тенденция находить положительного героя в купеческой среде. Однако исследователь правильно отмечает, что «и в купеческом обличье Незнайка, подобно белгородскому Садко, остается народным героем в самом широком и полном значении этого слова».

Нам представляется также правомерным вывод автора о проникновении образа Ивана-дурака в волшебную сказку в сравнительно позднее время и, возможно, под влиянием новеллистической (анекдотической) сказки.

Сравнительно более позднего происхождения, как считает Н. В. Новиков, сказка о Емеле. Он отмечает ее комический характер, что достигается путем гиперболизации лени героя, подчеркнутого контрастирования его необыкновенного облика, образа действий и поступков с обликом, действиями и поступками окружающих его людей. Предположение, что образ Емели (как и другие так называемые образы «иронических удачников») был удобной фигурой, с помощью которой можно было донести до слушателей сокровенные мысли, не очень опасаясь гонений со стороны властей, — вполне оправдано.

Н. В. Новиков категорически возражает тем исследователям, которые смешивают образы Ивана-дурака волшебных сказок с набитым дураком бытовых сказок. Наличие некоторых черт, объединяющих этих разнотипных героев, не исключает различий между ними как между сложившимися художественными типами сказок.

Обстоятельно характеризуются в третьей главе помощники героя — жена, Баба-Яга («дарительница»), встречные богатыри (великаны), чудесные искусники. Подчеркивается большая роль помощников героя в динамической системе образов вол-

² А. К. Сержпутовский, Сказки и рассказы белорусов-полешуков, СПб., 1911, стр. 90.

шебно-фантастической сказки. При этом усиление или ослабление их роли автор ставит в зависимость от жанровой принадлежности сказки.

Четвертая глава монографии посвящена анализу противников героя — Бабы-Яги (отрицательного типа), Змея, Кашея Бессмертного, царя, барина и др. Исследователь аргументированно опровергает утверждение В. П. Аникина о том, что в большинстве сказок Баба-Яга выступает в роли дарительницы и доброй советчицы. Конкретный материал не подтверждает этого вывода: в двух третях всех сказочных сюжетов с образом Бабы-Яги она выступает противником и гонителем героев.

Вполне обоснованы и соображения Н. В. Новикова о генезисе образа Бабы-Яги, его мифологической сущности, о переосмыслении этого образа в процессе вызревания патриархальных отношений. Очень интересно и доказательно характеризуется образ Кашея Бессмертного — один из самых ярких образов восточнославянской сказки.

Анализ образов волшебной сказки закономерно завершается характеристикой типов социальных противников сказочного героя — царя, барина, попа и др.

Социальную и бытовую сатиру автор считает одним из замечательных признаков восточнославянской сказки. Он показывает, что в сказке рядом с фантастическими существами, обрисованными в гротескно-сатирической манере, действуют отрицательные персонажи, взятые из самой жизни и «придающие сказке ярко выраженную социально-политическую остроту и окраску» (стр. 22). И все-таки, на наш взгляд, исследователь слишком категоричен, когда утверждает, что «по силе сатирического обличения многие волшебные сказки не уступают бытовому (новеллистическому), а по широте охвата объектов изображения даже превосходят их» (стр. 221). Точнее было бы сказать, что есть волшебные сказки, которые по силе сатирического обличения не уступают отдельным бытовым (но не вообще бытовым). Что же касается широты охвата объектов изображения, то трудно найти такую волшебную сказку, в которой действительность изображалась бы только в сатирическом плане и так широко, как это бывает во многих бытовых сказках.

В заключении автор подводит итоги исследованию, обобщает выводы об особенностях системы образов восточнославянской волшебной фантастической сказки, в общих чертах рассматривает специфику обрисовки образов в сказке в сравнении с образами других жанров, показывает связь сказки с действительностью, объясняет сходство сказок восточнославянских народов и их образной системы прежде всего общностью происхождения и исторических судеб русского, украинского и белорусского народов, определяет национальную специфику сказок.

Кроме сделанных выше замечаний, следует указать также на некоторые неточности в цитировании белорусских текстов и на отдельные опечатки (стр. 19, 40, 42, 54, 87 и др.).

Все наши замечания носят частный характер и ни в коей мере не снижают общей высокой оценки монографии. Книга Н. В. Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки» — капитальный труд, вносящий значительный вклад в фольклористическую науку.

А. С. Федосих

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

И. М. Семашко. Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1975, 168 стр.

В советской этнографической науке, как и в отечественном востоковедении в целом, не было создано ни одного исчерпывающего этнографического исследования, посвященного какому-либо одному отдельно взятому народу Индии. Рецензируемая книга является первой монографией, всесторонне (в пределах доступного материала) освещающей жизнь бхиллов — одного из малых народов (или, точнее, одной из групп близкородственных малых народов) Индии, расселенного на этнических территориях трех крупных народов: гуджаратцев, раджастанцев и маратхов. Необходимость в такой работе давно назрела, и поэтому ее выход в свет следует приветствовать.

Уже во «Введении», определяя задачи своего исследования, автор выявляет важнейшие процессы, характерные для жизни всех малых народов современной Индии. Это: «их ассимиляция крупными народами, а в некоторых случаях и появление тенденции к собственной этнической консолидации, наконец их влияние на другие народы» (стр. 4).

Каждому из советских специалистов по Индии адресован вывод автора о необходимости пристального внимания к изучению процесса «социально-экономического и культурного роста малых народов, который индийское государство стремится целенаправленно регулировать» (стр. 4—5).